



И. А. ИЛЬИН

<Дневник> 1905, осень

*Москва
6 октября*

Сегодня уехала Таля¹. Я давно готовился к этому дню, и он не поразил меня. Нити, опутывающие мое существо, вытянулись, стали длинные и натянулись, дрожа. Они постоянно содрогаются, каждая мелочь в этом оставленном пепелище тяготит душу, становится больно и хочется плакать! Хочется, чтобы чувство, создающееся от сознания взаимного одновременного содрогания этих нитей, — было всегда вполне, росло в бесконечность. Пусть так и будет. Моя душа полна нежного чувства.

11 ч. веч.

7 окт<ября>

Как будто неделя прошла с тех пор, что уехала моя Таля. Весь день я бродил сегодня по Москве — возобновил утраченные связи и в один день стал в курсе всех дел. Вечер хотел провести дома, но мама Лена² и М. А.³ ушли, и мне стало тоскливо сидеть одному дома. Ушел и я. Пошел к Ольге Поповой. Подождал ее, пришли Тупиков и Губарев, поговорили. Губарев ушел. Ваньке я рассказывал про съезд. Потом пришли Попова и Бельская (тоже курсистка, с которой они жили вместе в прошлом году). Ольга почти не изменилась — такая же восторженная, увлекающаяся, только подвинулась левее и занимается основательнее. Я видел у нее на столе толстую книгу Риккерта, литературу по рабочему вопросу; пишет реферат об экономическом материализме и не особенно старается скрыть свои симпатии к А.⁴ Мне жалко ее: она меня по-прежнему любит. Таля моя, деточка моя!..

11 окт <ября>

Как кипит жизнь, как все борется, организуется, требует, живет!.. Несмотря на то что я пока в стороне ото всего, я чувствую себя в каком-то огне и жару. Сейчас в Москве стачка железнодорожников, фармацевтов, и с минуты на минуту ждут забастовку городских рабочих; железнодорожники остановили почтавт, и на Мясницкой казаки разгоняли их в 5 часов дня нагайками.

Только что пришел из университета, где происходят митинги. Собрание брестских железнодорожных рабочих, собрание фармацевтов, собрание Инженерного союза. Все запасаются водой, ждут, что остановится водопровод. Полиции около университета нет, в Манеже казаки, на улицах сейчас спокойно. Все новые железные дороги прекращают работу, требования сплошь выставлены политические.

А я?

Я сегодня изучал теоретико-познавательную логику Шуппе⁵, психологическую теорию права Петражицкого⁶ и сейчас сажусь за Кистьяковского⁷. Мучительно заниматься отвлеченной наукой, но так нужно. Разлад, разбросанность чувств, рассеянность мыслей, хаос и усталость. Партии, программы, платформы, союзы, организации, побоища, выстрелы, смерти... А я с своей теорией познания, с а.⁸ мирозерцанием, с сердцем, прикованным к Берлину, и с метафизическими запросами; но это не упрек себе — Боже упаси; хорошо все это, но недостаточно светло... Но разве не все равно, *каким* погибнуть? Нет! Нет!

Больше света, больше ясности и в жизни, и в смерти, больше сознательности!

О, моя Таля!

13 <октября>

Дни бегут. Неудержимо, полно, трепетно. Москва накануне полной, всеобщей забастовки. В университете ежедневные митинги. Логика Шуппе приходит к концу. Вчера, и сегодня, и завтра. Днем — логика, право, Каутский⁹, вечером университет — митинг. Вчера я говорил на собрании, сегодня с 8 до 12 председательствовал. Говорил так себе, председательствовал хорошо. Завтра, кажется, опять говорю. Но говорить перед простой, средней публикой не стоит. Я больше и не буду. Завтра партийный «митинька». Немного устаю, но в общем чувствую себя хорошо. Питаюсь прекрасно, а это главное. Боже мой, зачем же, зачем не со мною моя глубоководная жена! Сейчас без

20 минут час. Ночь с 13-го на 14-е, нашего стиля. Нежно целую тебя, моя сонная детка, я всей душой с тобой!

20 <октября>

Семь дней я не писал. Не мог. За эти семь дней революция сделала колоссальные шаги. Я не стану описывать событий. Хорошее изложение их можно найти в «Русск<их> вед<омостях>». Я прилагаю их тебе в вырезках. Прочти внимательно, и при этом то, что ты переживешь при этом, — пережил и я, но только конкретнее, непосредственнее, а потому глубже и мучительнее; кроме того, ты, читая это, кинешь взгляд назад, а я смотрел вперед, в неизвестное будущее; а оно висело тяжелым, удручающим кошмаром впереди и мертвым холодом и ужасом веяло мне в душу ежеминутно. Вот краткий перечень моего участия в событиях. В пятницу 14-го я председательствовал на митинге у соц<иал>-демократов. Мне все равно, у кого председательствовать: они все несут и свет и тьму в головы публики и из столкновения их сверкают блески истины. Говорили рабочие — и это было лучше всего; говорили с<оциал>-д<емократы> — партийные работники, это было плоховато, общо, молодод, горячо, демагогично. Говорил поп.

Меня всегда благодарят за председательствование, ибо я веду собрание в порядке. Это такое ощущение: через час после начала от каждого слушающего и присутствующего протянута маленькая, тоненькая ниточка, ниточка нравственной привязанности — ко мне, и я — регулируя эти ниточки и их совместное дрожание, напрягая одни или все и ослабляя их, — заставляю всех присутствующих образовать некоторое стройное единство, содержание в которое вливают ораторы. Организованная коллективность чувствует, что она чем-то объединена, и не замечает как растет ее настроение; к концу заседания настроение — общее — повышено, чувствуется подъем, но подъем организованный, и когда я закрываю собрание, кажется, что разваливается что-то, мною созданное. Это — творчество, и творчество интересное. Оно утомительно, но важно для дела.

В субботу, 15-го, я не был на площади у Думы и в свалке с охотнорядцами не участвовал. От 4—5 дня и от 7—9 веч<ера> был в забаррикадированном университете, но, увидев, что самозащита стихийно переходит в попытку произвести вооруженное восстание, что масса, вооружаясь чем попало и лихорадочно организуясь, теряет под собою почву и сознание целесообразности действий, что эксцесс отчаяния заводит толпу в безрассуд-

ную трагикомическую игру в революцию и временное правительство, я ушел домой, хотя не без тяжелых душевных колебаний. Одним из главных факторов состоявшегося ухода была мысль, — что ты сказала бы мне «уйди» и была бы права. Вечер и ночь я провел в ужасном настроении. В 11 ч. я опять пошел к университету — осмотреть окрестности. Но унив<ерситет> был уже оцеплен: в него не пускали, а из него выпускали. Студенты и рабочие, забаррикадировавшись, ждали расстрела. Вечер мы сидели вдвоем с мамой Леной. Она, видимо, терзалась и даже похудела заметно с лица, но я чувствовал себя одиноко. Утром я был у Новгородцева (воскр<есенье> 16), он сказал мне, что они уладят этот эпизод. Вечером был у Ив. Алексеевича Петровского; отвел душу, узнав, что все обошлось мирно. Володька переслал мне из тюрьмы вопрос: получил ли я его письмо? Я отправил ему записочку, прося дать связи для литературы. Ответ, сказали, будет через неделю. Да, утром был еще в политич<еском> красном кресте. Достал № 110 «Искры». 16-го и 17-го по городу войска разгоняли рабочих, кое-где были митинги, университет 17-го был заперт. 17-го днем сидел дома, вечером был у Уманского¹⁰. На улицах по вечерам тьма. Уманский сказал, что за перевод Эльцб<ихера>¹¹ Ефимов¹² дает 30 р. с листа, книга, наверное, будет выпущена. Число букв, кажется, с оригинала. Мне передается редактирование по 7 р. с листа. 17-го же получилась весть о манифесте¹³. 18-го я был с утра у Любы¹⁴; она была на конст<итуционно>-демократич<еском> съезде. Выйдя от нее, увидел первую открытую легально-революционную демонстрацию, пошел с ней, был у Бутырской тюрьмы. В шествии участвовали — между прочим — ряд приват-доцентов, Мензбир¹⁵, артисты Худож<ественного> театра, масса рабочих. В 5 ч. вернулся домой. Вечером председательствовал в одной из аудиторий на митинге. При выстрелах не присутствовал, в свалке не участвовал. В опасности попасть в то и другое был много раз, но судьба как-то выводила. Вчера, 19-го, я видел толпы, знал, что дружины и рабочие расправляются с черной сотней, но не примыкал к уличному движению и на митинге не был. Познакомился с сестрой Станиславского¹⁶ и вчера сидел у нее весь вечер. Она рассказывала мне про свою агитацию среди крестьян; много поучительного. Это необычайно милая дама. Вчера уехала Люба. Есть опасения, что из Гуревичей кто-то пострадал в Петербурге. Вероятно, скоро приедет Саша¹⁷.

В общем, я цел и нравственно не очень разбит. Но устал нервно и умственно. Сегодня, кажется, не пойду опять на митинг.

Надо отдохнуть. Манифест никуда не годится, масса лазеек и ничего положительно не дано; слова, слова, слова...

Детка моя! И хорошо и плохо, что тебя нет. Меньше ужасов в твоём сознании стоит конкретно, но нам вдвоем было бы легче жить и терзаться.

Безумно хочу спокойно учиться!!

25 окт<ября>

Эту тетрадь я отдал 25-го М. С. Муромцевой¹⁸. После этого отправлено еще письмо.

